

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ:

ЧТО ЭТО ТАКОЕ

Необходимо рассмотреть **роль** теории личности в развитии психологии, вслед за чем обсудить, что за смысл вкладывается в понятия «**личность**» и «**теория**». От этих рассуждений несложно сделать шаг к вопросу о том, что представляет **теория личности**. Кроме того, мы очень кратко обсудим соотношение между теорией личности и другими формами психологических теорий и предложим ряд **параметров**, на основе которых возможно **сопоставление** теорий личности. Представляется, что эти параметры отражают основные моменты теоретических разногласий в данной области, тогда как сами теории воплощают научные точки зрения, позиции, образы, созданные людьми и находящиеся в распоряжении того, кто хочет исследовать и понять поведение в широком смысле.

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Исчерпывающий анализ теорий личности должен, несомненно, начинаться с концепций человека, разработанных великими классиками, такими, как Гиппократ, Платон и Аристотель. Адекватная оценка невозможна без учета того вклада, который осуществили десятки мыслителей, например, Аквинат, Вентам. Кант, Гоббс, Кьеркегор, Локк, Ницше, Макиавелли, - которые жили в промежуточную эпоху и чьи идеи можно отследить в современных представлениях. Наша цель - обсудить в общих чертах ту роль, которую сыграла теория личности в развитии психологии на протяжении последних шести-семи десятилетий.

Для начала рассмотрим некоторые относительно недавние источники влияний на теорию личности.

1. Традиция клинического наблюдения, начиная с Шарко (Charcot, J.) и Жане (Janet, P.) и, что более важно, включая Фрейда (Freud, S.), Юнга (Jung, C. G.) и Мак-Даугалла (McDougal, W.), определила сущность теории личности более, чем любой другой отдельный фактор. Ниже мы исследуем некоторые последствия этого.

2. Следующая линия влияния связана с гештальтистской традицией. Эти теоретики находились под грандиозным впечатлением идеи целостности поведения и, соответственно, были убеждены в том, что частичное или фрагментарное изучение элементов поведения не может привести к истине. Как мы увидим, эта точка зрения глубоко укоренилась в ныне действующих теориях личности.

3. Отметим также более позднее влияние экспериментальной психологии. Это направление стимулировало интерес к тщательно контролируемому эмпирическому исследованию, лучшему пониманию природы теоретических построений и более детальной оценке способов изменения поведения.

4. Четвертая детерминанта представлена психометрической традицией с ее направленностью на измерение и изучение индивидуальных различий. С этим источником связан интерес к измерению поведения и количественному анализу данных.

Существуют и иные - многочисленные - источники влияния на теорию личности, включая генетику, педагогический позитивизм и социальную антропологию, но ни один из них, как представляется, не имел столь далеко идущих последствий как четыре вышеназванных.

Обратимся теперь к некоторым **отличительным чертам теории личности.** Хотя теория является, естественное частью широкого поля психологии, есть заметные различия между теориями и исследованиями, относящимися к личности, и теми, что относятся к другим областям психологии. Эти различия явно выражены на ранних стадиях развития теории личности и существуют независимо от многочисленных различий между самими теориями личности. Тем не менее, явные расхождения между теориями личности приводят к мысли о том, что ни одно утверждение, корректное в отношении одной теории, не может быть столь же корректно отнесено к другой. Однако существуют признаки, присущие большинству теорий личности, и именно вокруг них мы построим наше обсуждение.

В том, что повлияло на ранних этапах на общую психологию и на психологию личности, есть и общее, и различия. Справедливо, что Дарвин в значительной степени повлиял на развитие того и другого; справедливо и то, что физиология девятнадцатого века оказала влияние на теоретиков в области психологии личности, равно как оказала очевидное воздействие на общую психологию. Тем не менее факторы, влиявшие на эти два направления в течение последних трех четвертей столетия, явно различны. Если главные идеи теоретиков личности приходили в первую очередь из клинического опыта, то психологи-эксперименталисты черпали идеи из открытий, совершенных в экспериментальной лаборатории. В то время, как в первых рядах ранних теоретиков личности мы видим Шарко, Фрейда, Жане, Мак-Даугалла, в экспериментальной психологии соответствующую роль играли Гельмгольц, Павлов, Торндайк (Thorndike, E. L.), Уотсон (Watson J. B.) и Вундт (Wundt, W.). Эксперименталистов вдохновляли естественные науки, тогда как теоретики личности оставались ближе к клиническим данным и собственным творческим идеям. Одна группа приветствовала интуицию и инсайты, относясь с долей

презрения к тем шорам, которые налагает наука с ее жесткими ограничениями в отношении воображения и узкими техническими возможностями. Другая поддерживала требования строгости и точности ограниченного исследования и с отвращением относилась к безудержному проявлению фантазии в клинических интерпретациях. В конце концов стало ясно, что ранняя экспериментальная психология немного может сказать о тех проблемах, которые интересовали теоретиков личности, а последние с недостаточным уважением относятся к тому, что представлялось самым важным психологам-эксперименталистам.

Хорошо известно, что психология родилась в конце девятнадцатого века как дитя философии и экспериментальной физиологии. Истоки же теории личности в большей степени восходят к медицине и обстоятельствам медицинской практики. Фактически первые гиганты в этой области (Фрейд, Юнг и Мак-Даугалл) были не только квалифицированными медиками, но и практиковали как психотерапевты. Историческая связь между теорией личности и практикой прослеживается на протяжении всего развития психологии и составляет важное отличие этого типа теорий от ряда других.

С только что сказанным согласуется еще два обобщения относительно теории личности. Во-первых, ясно, что в *развитии психологии теория личности выступала как инакомыслие*. В свое время теоретики личности были мятежниками. Мятежниками в медицине и экспериментальной науке, бунтарями против разделяемых всеми идей и привычной практики, протестующими против типичных методов и признанных техник исследования и более всего - против принятой теории и нормативной проблематики. То, что теория личности никогда не шла в русле академической психологии, связано с несколькими важными моментами. С одной стороны, этот факт связан с тенденцией теории личности к высвобождению от предубеждений относительно человеческого поведения. Теоретикам личности, относительно мало вовлеченным в жизнь психологического сообщества, было проще подвергнуть сомнению или отвергнуть те допущения, которые были широко распространены среди психологов. С другой стороны, недостаточная вовлеченность освобождала их от своего рода дисциплины и ответственности за то, чтобы их формулировки были приемлемо систематизированы и организованы - а именно это «получает в наследство» хорошо социализированный ученый.

Второе обобщение заключается в том, что *теории личности функциональны по своей направленности*. Они по-особому соотносятся с вопросами регуляции организма. В центре внимания оказываются проблемы, критически важные с точки зрения выживания индивида. В то время, как психологи-эксперименталисты были поглощены такими вопросами, как существование мысли, скорость прохождения нервного импульса, особенности содержания

сознания здорового человека, мозговая локализация функций,- теоретиков личности интересовало, почему у определенных индивидов развиваются болезненные невротические симптомы в отсутствие органической патологии, какова роль детской травмы в процессах регуляции у взрослого, при каких условиях возможно возвращение психического здоровья и какие основные мотивы лежат в основе человеческого поведения. Таким образом, именно теоретик личности, и только он, на заре психологии задался теми вопросами, которые ныне обычному человеку представляются основополагающими для успешного построения психологической науки.

Читатель не должен считать только что сказанное обвинением в адрес общей психологии или панегириком в адрес теории личности. До сих пор непонятно, быстрее ли объемлющая и продуктивная теория человеческого поведения возникнет из работ тех, кто поставил цель создать такую теорию, или же в большей мере она будет обязана тем, кто решает более определенные и ограниченные задачи. Всегда непросто определить стратегию научного продвижения, и навряд ли возможно окончательное суждение о том, какими проблемами следует заниматься. Иными словами, раз установлено, что теоретики личности ставили проблемы, которые кажутся существенными и центральными для типичного наблюдателя за человеческим поведением, остается выяснить, насколько желание браться за такие проблемы подтвердит свою эффективность для продвижения психологической науки.

Как мы сказали, не секрет, почему теории личности были шире по кругозору и в большей степени практически ориентированы, чем построения большинства психологов другого плана. Грандиозные фигуры академической психологии XIX века, такие, как Вундт, Гельмгольц, Эббингауз (Ebbinghaus, И.), Титченер (Titchener, E. В.) и Кюльпе, вели работу в недрах университетов, испытывая чрезвычайно мало воздействий извне. Они были свободны следовать собственным интеллектуальным склонностям, не испытывая - или испытывая чрезвычайно малую - необходимость рассматривать то, что полагали важным и существенным другие. Фактически, меру существенности они имели возможность определять, исходя из собственных интересов и собственной деятельности.

Ранние же теоретики личности были учеными и практиками в равной мере. Естественно, что, сталкиваясь с проблемами современной жизни, усугубленными неврозами и более тяжелыми нарушениями, они должны были обратиться к таким формулировкам, которые могли бы внести вклад в решение этих проблем. Тот набор категорий для анализа эмоций, который мог использоваться в лабораторных условиях, не представлял большого интереса для терапевта, ежедневно наблюдающего действие эмоций, затрудняющих поведение, калечащих и даже убивающих человека. Таким образом, сильный функциональный оттенок теорий личности, их связь с проблемами, важными для выживания организма, представляются естественно вытекающими из тех

условий, в которых эти теории возникли.

Очевидно, что *теоретики личности* обычно признавали решающую роль *мотивационных процессов*. В то время, как многие психологи игнорировали мотивацию или в своих исследованиях старались свести влияние подобных факторов к минимуму, теоретики личности видели в тех же переменных ключ к пониманию человеческого поведения. Фрейд и Мак-Даугалл первыми дали серьезный анализ мотивации. Мак-Даугалл, обсуждая свои попытки создать адекватную теорию социального поведения (которая в большей мере была теорией личности), следующим образом иллюстрирует разрыв между лабораторными теориями и жизнью:

«Наиболее важной для социальных наук является та область психологии, которая рассматривает источники человеческого действия, импульсы и мотивы, поддерживающие телесную и ментальную активность и регулирующие поведение; и из всех областей психологии именно эта наименее развита: в ней царят неясность, неопределенность, путаница»

Таким образом, переменные, доставляющие больше всего неудобств экспериментальному психологу, для теоретика личности становятся предметом интенсивного изучения и особого интереса.

С интересом к функциональному и мотивационному связано убеждение теоретика личности в том, что *адекватное понимание человеческого поведения возможно только при изучении человека в его целостности*. Большинство психологов, изучавших личность, настаивали на том, что субъекта необходимо рассматривать с позиций целостного функционирования в естественной среде. Они настаивали на контекстуальном изучении поведения, когда каждое поведенческое событие изучается и интерпретируется в соотношении с остальными. Такая точка зрения была естественным следствием клинической практики, где осуществляется лечение целостного человека и где трудно ограничиться размышлениями об одной сенсорной модальности или заданном ряде переживаний.

Если мы принимаем намерение большинства теоретиков личности стремиться к изучению целостного, не разделенного на сегменты человека, несложно понять, почему многие авторы полагают *одной из наиболее ярких отличительных черт теории личности ее функционирование в качестве интегративной теории*. Хотя в целом психологи демонстрировали тенденцию к специализации, что приводило к тому, что они узнавали все больше и больше о все меньшем и меньшем, теоретик личности брал на себя хотя бы частичную ответственность за то, чтобы собрать воедино и структурировать разнообразные открытия специалистов.

Эксперименталист может многое знать о слухе, зрении и др., но обычно немногие знают, как эти специальные функции соотносятся между собой. Психолог, изучавший личность, в этом отношении более был занят реконструкцией или интеграцией, а не анализом и фрагментарным изучением поведения. Эти рассуждения приводят к своего рода **романтическому образу теоретика личности как человека, который собирает ажурную мозаику из разрозненных открытий, совершенных в рамках отдельных составляющих психологию специальностей.**

Что же в широком смысле отличает теоретиков личности от традиционных теоретиков психологии? Они более самостоятельны и менее привязаны к экспериментальным и измерительным процедурам. Жесткий гребень прагматизма коснулся психолога, изучающего личность, гораздо легче, нежели психолога-экспериментатора. Они создают многомерные, более сложные теории, чем типичные для общей психологии, и, соответственно, их теории более запутаны и менее четко очерчены. Они готовы принять в качестве материала для своих теоретических мельниц любой функционально значимый аспект поведения, в то время как большинство экспериментальных психологов удовлетворяются вниманием к определенному кругу явлений. Они настаивают на том, что адекватное понимание индивидуального поведения возможно лишь при изучении его в широком контексте, включающем целостного действующего человека. Теоретик личности видит в мотивации, причинных или основополагающих побуждениях принципиальную эмпирическую и теоретическую проблему, в то время как эксперименталист видит в ней лишь одну из многих проблем и решает ее на основе ограниченного числа понятий, тесно связанных с физиологическими процессами.

ЧТО ТАКОЕ ЛИЧНОСТЬ?

До сих пор мы двигались так, как будто читатель и авторы были в добром согласии относительно того, что означает термин «личность». Хотя по случайности может так и оказаться, уверенности в этом нет, и дальнейшие шаги разумно предварить **анализом содержания этого термина**.

Хотя он используется в разных смыслах, можно говорить о **двух основных**. В первом случае этот термин относится к своего рода умелости или ловкости. Личность индивида оценивается по той эффективности, с которой он добивается позитивных реакций различных людей в различных обстоятельствах. Именно этот смысл имеют в виду, говоря о курсах «личностного тренинга». Аналогично, преподаватель, говоря о личностных проблемах ученика, скорее всего указывает на то, что социальные умения ученика неадекватны для того, чтобы он мог установить удовлетворительные отношения с соучениками и педагогом. Во втором случае понятие соотносится с тем наиболее явным и ярким впечатлением, которое индивид производит на окружающих. Тогда говорят, что индивид обладает «агрессивной личностью», или «покорной личностью», или «ужасающей личностью». Наблюдатель выбирает тот признак или качество, которое в высокой степени типично для субъекта, предположительно является важной составляющей общего впечатления, производимого на окружающих, и при помощи этого понятия идентифицируется личность человека. Ясно, что в обоих случаях присутствует элемент оценки. Обычно личности видятся как хорошие или плохие.

Хотя различия в обиходном использовании слова «личность» могут показаться значительными, они перекрываются разнообразием значений, которыми наделяют этот термин психологи. Оллпорт (Allport, 1937) в утомительном литературном обзоре выделил около пятидесяти различных определений, которые распределил в ряд категорий. Здесь мы коснемся лишь некоторых.

1. Во-первых, важно различать то, что Оллпорт назвал **психосоциальными и биофизическими определениями**. *Биосоциальное определение* во многом соответствует бытовому использованию термина, так как соотносит личность с «социальной стимульной ценностью» индивида. Именно реакция других определяет личность субъекта. Можно даже утверждать, что индивид не обладает никакой личностью за исключением той, которая содержится в реакции окружающих. Оллпорт решительно возражает против утверждения, что личность содержится лишь в «реагирующем другом», и полагает более предпочтительным *биофизическое определение* относящее личность

исключительно к характеристикам или качествам субъекта. В соответствии с последним определением, у личности есть как воспринимаемая сторона, так и органическая, и ее (личность) следует связать со специфическими качествами индивида, поддающимися объективному описанию и измерению.

2. Другой важный тип определения можно назвать «**мешок старьевщика**» или «**определение-омнибус**». Это определение представляет личность через перечисление. Термин «личность» здесь используется для обозначения всего, что касается индивида, и теоретик, как правило, при описании индивида перечисляет важнейшие, на его взгляд, понятия, полагая, что обозначаемое ими и составляет личность. В других определениях подчеркивается *интегрирующая* или организационная функция личности. Предполагается, что личность выступает как организация или шаблон в отношении различных реакций индивида или же что эта организация является следствием активности личности, существующей как внутрииндивидуальная сила. Личность есть то, что упорядочивает и согласует различные виды индивидуального поведения. Ряд теоретиков предпочитают подчеркивать роль личности в управлении индивидуальной *регуляцией* поведения. Личность представляется как различные - и вместе с тем типичные - попытки регуляции, осуществляемые индивидом. Другие определения отождествляют личность с *уникальными* или индивидуальными аспектами поведения. В этом случае термин используется для обозначения того, что отличает индивида от остальных людей. Наконец, некоторые теоретики считают, что личность составляет *сущность* человека. В этих определениях личность соотносится с наиболее репрезентативной частью индивида, не только в плане его отличий от других, но, что более важно, личность выступает тем, чем человек является на самом деле. Этот тип определения иллюстрируется следующим положением Оллпорта: «личность есть то, что есть человек в действительности». Согласно этому допущению, личность содержит то, что, в конечном итоге, является наиболее типичной и глубокой характеристикой человека.

Мы могли бы с пользой провести еще немало времени, обсуждая проблему определения личности, но *никакое сущностное определение личности ни на каком, уровне общности не применимо* **Проще говоря, имеется в виду, что определения личности, используемые конкретными людьми, целиком и полностью зависят от их индивидуальных теоретических предпочтений.** Так, если в теории подчеркивается уникальность и организованность, единство поведение, то вполне естественно, что в определении личности в качестве ее свойств войдут уникальность и организованность. Коль скоро некто создал или принял данную теорию личности, такое определение достаточно ясно ею допускается. Таким образом, мы можем заключить, что *личность определяется на основе частных эмпирических представлений, выступающих как часть используемой наблюдателем теории личности* Конкретно, личность

соотносится с набором черт или описательных понятий, описывающих изучаемого индивида в плане переменных или величин, занимающих центральное место в данной теории.

Любое из определений личности может стать вашим, если вы примете соответствующую теорию. Иными словами, вышесказанное означает, что **определить личность невозможно, не придя к согласию относительно той теоретической системы, в которой она будет рассматриваться.**

ЧТО ТАКОЕ ТЕОРИЯ?

Раз уж каждый знает, что такое личность, то уж конечно, каждый знает, что такое теория. Наиболее распространено убеждение в том, что теория противоположна факту. Теория есть недоказанная гипотеза или размышление относительно действительности, о которой до сей поры неизвестно, такова ли она. Подтвержденная теория становится фактом. Есть некоторое соответствие между этим представлением и тем, которое отстаиваем мы: согласимся, что истинность теории неизвестна. Есть и элемент несогласия; здравый смысл подсказывает, что, когда собраны соответствующие подтверждающие данные, теория становится истинной или фактической. **С нашей же точки зрения, о теории никогда нельзя сказать, истинна она или ложна - хотя ее посылки и следствия могут быть таковыми.**

Следующие пассажи представляют условный экстракт из размышлений методологов и логиков науки. *Некоторые идеи могут показаться трудными начинающему студенту, и мы хотим честно признать, что их понимание не слишком существенно для восприятия остального материала.* С другой стороны, если читателя серьезно интересует эта область и он еще не успел достаточно погрузиться в эту сферу образования, ему полезно ознакомиться с методологией более экстенсивно, чем на том уровне, которого стоит ожидать, приступая к этому краткому разделу. Есть ряд превосходных источников, которые обеспечат вам экскурс в данную область.

Сначала мы обсудим, что такое теория, а затем перейдем к более важному вопросу о том, каковы ее функции. Укажем вначале, что теория есть *набор условностей*, созданных теоретиком. Взгляд на теорию как на «набор условностей» подчеркивает тот факт, что теории не «даны» и не предопределены природой, данными или иными детерминантами. *Как одни и те же переживания или наблюдения могут привести поэта или романиста к созданию любого из множества возможных произведений искусства различной*

формы, так полученные в исследовании данные могут быть включены в любую из бесчисленных теоретических схем. Теоретик, избирая способ презентации интересующих его событий, осуществляет свободный творческий выбор, отличный от выбора художника только в том, какого рода события оказались в центре внимания и по каким основаниям можно судить о плодотворности выбора. Мы здесь подчеркиваем творческую и произвольную манеру конструирования теорий; естественно вытекающее из этого замечание заключается в том, что, мы можем определить, как оценивать теорию, но не можем определить, как ее следует создавать. *Нет формулы плодотворной теоретической конструкции, как нет формулы создания нетленных литературных произведений.* То, что теория - не нечто неизбежное или предписанное, а результат свободного выбора, свидетельствует о том, что истинность или ложность недостаточны в качестве атрибутов, ей приписываемых. Теория может быть лишь **полезной или бесполезной**, а это определяется, как мы увидим, тем, в первую очередь, насколько теория может продуцировать такие предсказания или проекты относительно соответствующих событий, которые при проверке подтверждают свою истинность.

Выскажемся более определенно относительно того, что представляет собой теория. Что включает теория в ее идеальной форме? *Она должна содержать ряд согласованных допущений, систематически соотнесенных друг с другом, и набор эмпирических определений!*

Допущения должны быть согласованы в том смысле, что они должны опираться на эмпирические события, с которыми соотносится теория. Если это теория слуховой чувствительности, допущения должны быть связаны со слуховыми процессами; если это теория восприятия, допущения должны касаться перцептивных процессов. Обычно природа этих допущений составляет отличительное свойство теории. Хороший теоретик - это человек, способный выдвинуть полезные или прозорливые предположения относительно того, что составляет сферу его интересов. В зависимости от особенностей теории эти допущения могут быть весьма общими или достаточно специфичными. Теоретик в области поведения может допустить, что все поведение мотивировано, что события ранних периодов жизни являются важнейшими в определении поведения взрослого, что поведение животных различных видов строится по одним и тем же общим принципам; или же теоретик может допустить, что возрастание тревоги ведет к нарушениям моторики. Эти допущения могут также различаться по форме - от точной математической нотации до относительно нестрогих сформулированных допущений, каковыми является большинство из только что использованных нами в качестве иллюстрации.

Допущения должны быть четко сформулированы, но этого недостаточно; допущения и иные элементы теории должны определенным образом сочетаться

и соотноситься друг с другом. Значит, должны существовать правила взаимодействия между допущениями и основными понятиями. Чтобы теория обрела логическую стройность, эти внутренние отношения должны быть ясны. Без такого уточнения выведение из теории практических следствий было бы трудным или невозможным. Эти положения, в силу их сходства с грамматическими правилами, часто рассматриваются как *синтаксис* теории. Мы уже выдвигали допущение, что возрастание тревоги ведет к нарушениям моторики. Кроме того, возможно предположить, что повышение самоуважения ведет к улучшению моторики. Если мы не знаем ничего более, отношение между этими двумя допущениями явно неопределенно, так что нам нужно выявить нечто относительно связи между тревогой и самоуважением прежде, чем окажется возможным сделать какие-либо предсказания о том, что будет иметь место в ситуации наличия обеих переменных. Адекватная постановка теоретических допущений должна дать пользователю ясную спецификацию отношений между этими двумя допущениями.

Эмпирические определения (координирующие определения) обеспечивают возможность более или менее четкого взаимодействия существующих в рамках теории терминов и понятий с эмпирическими данными. Посредством этих определений теория в определенные предписанные моменты приходит в контакт с реальностью или данными наблюдений.

Эти определения часто называются операциональными определениями, т. е. дают возможность определить операции, посредством которых можно подвергнуть измерению соответствующие переменные. Акцент на эмпирические определения - признак исследовательских намерений, и можно сказать, что, если теория вносит нечто в эмпирические дисциплины, она должна располагать некоторыми средствами эмпирической трансляции. С другой стороны, должно быть ясно, что эти определения существуют в континууме от полных и точных спецификаций до весьма общих качественных утверждений. Хотя чем больше четкости, тем лучше, требование полной четкости на ранних этапах исследования может стать препятствием на пути плодотворного его развития. Определение интеллекта как того, «что измеряют тесты интеллекта», или отождествление тревоги с определенными физиологическими изменениями, измеряемыми гальванометром, быть может, и точны, но, как представляется, ни одно из них само по себе не ведет к более продуктивной исследовательской мысли. Правильное отношение между эмпирическими определениями заключается в том, что они должны быть настолько точны, насколько позволяет состояние дел в соответствующей сфере.

Мы бросили общий взгляд на то, из чего состоит теория. Следующий вопрос: что она делает? Во-первых - и это наиболее важно, - она позволяет ***увидеть ранее не наблюдавшиеся соответствующие эмпирические***

отношения. Теория должна приводить к систематическому расширению и углублению знания в интересующей нас области. интересующих феноменов. В основе своей суть любого исследования - открытие стабильных эмпирических связей между событиями и переменными. Функция теории - систематически способствовать этому процессу. Теорию можно рассматривать как своего рода мельницу, в которой перемалываются предположения, а в качестве муки выдаются соотносимые эмпирические положения, которые затем могут быть подтверждены или отвергнуты в свете соответствующих эмпирических данных. Эмпирической проверке подвергаются лишь следствия, предположения или идеи, выводимые из теории. **Сама теория есть допущение, и ее принятие или отвержение обусловлено лишь ее полезностью, но не истинностью или ложностью. Полезность в этом случае содержит два компонента - верифицируемость и широту.** *Верифицируемость* отражает способность теории продуцировать предсказания, подтверждаемые при сборе соответствующих эмпирических данных. *Широта* отражает степень или полноту распространенности этих положений. Возможны случаи, когда выдвинутые положения часто находят подтверждение, но относятся лишь к некоторым аспектам интересующего явления. В идеале теория должна приводить к точным предсказаниям высокой степени обобщенности относительно рассматриваемых эмпирических событий.

Представляется важным различать то, что может быть названо систематической и эвристической генерацией исследований. Очевидно, что в идеальном случае теория позволяет вывести определенно сформулированные положения, что, в свою очередь, ведет к четко построенным эмпирическим исследованиям. Однако, не менее очевидно, что многие теории, - например, теории Фрейда и Дарвина, - во многом повлияли на развитие исследований без посредства таких развернутых положений.

Эта способность теории порождать изыскания путем выдвижения идей или даже благодаря возникающему неверию и сопротивлению может рассматриваться как *эвристическое влияние теории*. Оба типа влияния чрезвычайно важны и на данной стадии развития психологии должны рассматриваться как равноценные.

Вторая функция теории заключается в том, что она позволяет **объединить известные эмпирические открытия** в рамках логически последовательной и приемлемо простой системы. Теория выступает как средство организации и интеграции всего, что относится к определенному кругу явлений. Адекватная теория психотического поведения должна обладать способностью систематизировать все, что известно относительно шизофрении и других психозов, в понятную и логическую конструкцию. Удовлетворительная теория научения должна охватывать все, что касается процесса научения. Теории

всегда возникают на базе того, что уже наблюдалось и о чем сообщалось; в этом смысле на первой фазе становления они индуктивны и руководствуются - а до некоторой степени контролируются - тем, что уже известно. Однако, если теории упорядочивают и согласуют уже известное, и не более того, польза от них невелика. В этом случае будет оправдано суждение настойчивого исследователя о том, что теория - лишь словесная пена, плывущая в кильватере эксперимента, который единственный в науке служит делу. Эмпирик, настаивающий на том, что теория - не более, чем последующая рационализация того, о чем сообщают исследователи, не понимает основной функции теории - указывать на новые или хотя бы незамеченные отношения. Продуктивность теории проверяется не после, а до появления факта.

Простота или, как иногда говорят, экономность, также имеет значение, но лишь вслед за широтой и верифицируемостью. Она обретает важность лишь в ситуации, когда две теории порождают одни и те же следствия. Если две теории различаются по тем следствиям, которые можно сделать относительно одних и тех же эмпирических событий, выбор теории должен основываться на различии этих положений в плане верифицируемости. Таким образом, лишь в случае тавтологии - две теории приходят к одним и тем же выводам, исходя из различных оснований, - простота обретает важность. В науке такое встречается нечасто, а в психологии, насколько нам известно, не встречалось ни разу. Следовательно, простота как противоположность сложности является скорее личной ценностью теоретика, нежели непременным признаком теории.

Еще одна функция теории заключается в том, чтобы **уберечь наблюдателя от ослепления многообразием побочных или частных явлений**. Теория предоставляет своего рода шторы, позволяющие не беспокоиться обо всех аспектах изучаемых явлений. Для неискушенного наблюдателя каждое достаточно сложное поведенческое явление предполагает бесчисленное множество способов анализа и описания - и это действительно так. Теория позволяет наблюдателю систематически и действенно абстрагироваться от естественной сложности. Человек абстрагируется и упрощает независимо от использования теории, но если он не руководствуется ясной теорией, то принципы, определяющие его подход, будут скрыты в имплицитных допущениях и позициях, неведомых ему самому. Теория ограничивает пользователя рядом более или менее определенных параметров, величин, переменных, обладающих принципиальной важностью. С точки зрения данной проблемы остальные аспекты ситуации могут быть в той или иной степени проигнорированы. Полезная теория обозначит четкие инструкции относительно того, какого рода данные следует собирать в связи с данной проблемой. **Соответственно, можно ожидать, что люди, занимающиеся решительно различными теоретическими**

позиции, могут изучать одно и то же явление, обнаруживая в своих наблюдениях немного сходства.

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ

Мы договорились, что личность определяется через конкретные понятия, которые в рамках данной теории считаются подходящими для полного описания или понимания человеческого поведения. Мы также договорились, что теория содержит ряд связанных допущений относительно соответствующих эмпирических феноменов, и эмпирические определения, позволяющие пользователю продвигаться от абстрактной теории к эмпирическому наблюдению. **Простым сложением мы приходим к выводу, что теория личности должна представлять собой набор допущений относительно человеческого поведения вместе с необходимыми эмпирическими определениями.** Кроме того, есть требование относительной широты теории. Она должна соотноситься с достаточно широкой сферой человеческого поведения. **В сущности, теория должна быть готова к рассмотрению любых поведенческих феноменов, обладающих важностью для индивида.**

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ И ДРУГИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

Наше обсуждение привело нас к заключению, что теория личности должна содержать ряд допущений относительно человеческого поведения вместе с правилами, по которым эти допущения связываются с определениями, что позволяет осуществлять их взаимодействие с эмпирическими или наблюдаемыми событиями. Здесь уместен вопрос о том, отличаются ли в отношении этих определений теории личности от других теорий. **Ответ полезно начать с различения двух видов психологической теории.**

Очевидно, что некоторые психологические теории готовы к тому, что бы рассматривать любые поведенческие явления, важные с точки зрения регуляции человеческого организма. Другие теории жестко ограничены теми поведенческими проявлениями, которые возникают в определенных тщательно прописанных условиях. Такие теории проявляют интерес к ограниченным аспектам человеческого поведения. Теории, которые пытаются иметь дело со всеми важными поведенческими феноменами, могут быть рассмотрены как ***общие теории поведения***; те же, что ограничивают свои интересы определенными типами поведенческих явлений, называются ***частными теориями***.

Очевидно, что теории личности подпадают под первую категорию:

это - общие теории поведения. Простое наблюдение позволяет отличить теории личности от других психологических теорий. Теории перцепции, слуховой чувствительности, механической памяти, моторного научения, различения и множество других психологических теорий являются частными с точки зрения их объема и широты. Они не претендуют на статус общей теории и удовлетворяются развитием представлений, пригодных для описания и предсказания в ограниченной сфере поведенческих явлений. Теории же личности рискуют рассматривать явления самой разнообразной природы постольку, поскольку те обладают для индивида функциональной значимостью.

Остается вопрос, существуют ли такие общие теории поведения, которые обычно не относятся к теориям личности. Например, такой вопрос возможен в отношении теории мотивации, которую можно считать общей теорией поведения, не относя к теориям личности. На самом же деле, если теория имеет дело исключительно с мотивационными процессами, она общей теорией не является, хотя фактически те теории, которые обычно обозначаются как теории мотивации, являются также и теориями личности - например, психоанализ, гуманистическая психология, теория Меррея (Murray, H. A.). Таким образом, если теория имеет дело только с мотивацией, - это частная теория; если же она охватывает более широкий круг явлений, то это один из типов теории личности.

СРАВНЕНИЕ ТЕОРИЙ ЛИЧНОСТИ

Очевидно, что при рассмотрении столь многочисленных и сложных образований, каковыми являются теории личности, выявляется много характеристик, по которым их можно сравнивать и различать. Здесь мы обозначим лишь некоторые наиболее важные, чтобы создать основу для суждений о том, какие обобщения - с точки зрения состояния современной теории личности - достойны внимания. Рассмотрение этих параметров позволит нам также определить вопросы, в основном возникающие перед теоретиком личности, и особенности принимаемых им решений.

Формальные признаки

В данном разделе нас интересует, насколько разработана и представлена структура теории.

1. Огромное значение имеет вопрос **ясности и точности**, т.е. - вопрос о том, насколько ясно и четко представлены допущения и основные понятия,

составляющие теорию. В определенных случаях теория может быть представлена в терминах математической нотации, с четкой дефиницией всех терминов, за исключением базовых, так что соответствующим образом подготовленный человек может пользоваться теорией, почти избегнув двусмысленностей. При таких условиях различные люди, независимо друг от друга пользующиеся теорией, придут к схожим формулировкам или выводам. На другом полюсе мы обнаруживаем теории, представленные столь интенсивным напором ярких и сложных описаний, что пользующемуся теорией весьма трудно почувствовать уверенность относительно того, с чем он столкнулся. При этом маловероятно, чтобы независимые пользователи теории пришли к сходным формулировкам или выводам.

2. Следующий вопрос заключается в том, *насколько хорошо теория соотносена с эмпирическими феноменами*. Здесь мы говорим о **четкости и практичности определений**, предназначенных для перевода теоретических представлений в процедуры измерения. На одном полюсе оказываются теории, предписывающие относительно точные оценочные операции для измерения каждой эмпирической величины, в то время как в других случаях допускается, что приписывание наименования само по себе достаточно как операция определительная.

Быть может, именно здесь уместно вновь подчеркнуть наше убеждение в том, что все проблемы формальной адекватности сводятся к вопросу, *какие эмпирические исследования порождает теория*. Несмотря на то, что теория может быть неразвернутой и неясной, следует признать, что если теория повлияла на важные сферы исследования, она прошла критические испытания. Таким образом, главным вопросом, отмечающим все проблемы формальной адекватности является вопрос о том, насколько важные исследования породила теория. Правда, нелегко договориться, что значит «важное исследование» - хотя бы потому, что оценка во многом будет определяться теоретической позицией оценивающего. Правда и то, что не всегда легко сказать, какой именно процесс привел к тому или иному конкретному исследованию, а следовательно, трудно оценить порождающую роль теории. Несмотря на это, между теориями личности существуют очевидные различия в том, насколько они нашли воплощение в представляющих общий интерес исследованиях.

Сущностные признаки

В то время как формальные признаки, описанные нами только что, представляют нормативные или оценочные стандарты, на основе которых возможно сравнение теорий, признаки, о которых пойдет речь сейчас, не оценочны. Они нейтральны в плане «хорошо или плохо» и просто **отражают входящие в состав теории конкретные допущения относительно**

поведения.

Естественно, что содержательные различия между теориями личности отражают основные проблемы, существующие в этой области. Соответственно, на последующих страницах мы не только выделим параметры, на основе которых можно осуществлять содержательное сравнение теорий личности, но и обозначим основные альтернативы, стоящие перед теоретиком в этой сфере. Этот раздел может быть назван «Основные вопросы современной теории личности».

Теории личности удобно сравнивать между собой посредством противопоставленные друг другу понятий, определяющих основной подход к рассмотрению поведения.

1. Еще до появления психологии возник вопрос о том, можно ли считать поведение *свободным* или *детерминированным*, т.е. обусловленным воздействием каких-либо событий. В некоторых теориях поведения возникла модель индивида, важнейшими сторонами которой выступают целеустремленность, намерение, поиск. Другие теории допускают, что поведение может адекватно рассматриваться без обсуждения цели и намерений, они признаются неважными. Такие теоретики полагают субъективные элементы - такие, как цель и намерение, сопровождающими поведение, но не играющими определяющей роли в побуждении.

2. Другой старинный спор касается относительного значения сознательных и бессознательных детерминант поведения. В старой форме этот вопрос формулируется в плане относительной *рациональности* или *иррациональности* человеческого поведения. Термин «бессознательное» используется здесь просто для обозначения тех детерминант поведения, о которых индивид не знает и которые неспособен осознать вне специальных условий. В этом плане теории личности различаются от тех, которые открыто отказываются принимать в расчет бессознательные детерминанты поведения или же отрицают само существование этих детерминант, до тех, в которых они считаются важнейшими и сильнейшими детерминантами поведения. Промежуточное место занимают теории, в которых бессознательным детерминантам приписывается главная роль при рассмотрении индивида с аномальной или нарушенной психикой, при этом утверждается, что основными движущими силами здорового индивида выступают осознанные мотивы.

3. Старым, как мысль человеческая, является вопрос относительной важности генетических или *наследственных факторов* в детерминации поведения). Почти никто не станет отрицать влияние наследственности на поведение, но многие теоретики драматическим образом пренебрегают значением этих факторов, настаивая на том, что главные феномены поведения

могут быть поняты без обращения к биологическим и генетическим феноменам. В Америке роль наследственных факторов в целом принижалась в пользу определенных «концепций среды», однако существуют значительные различия в том, насколько и как явно теоретики стремятся учитывать генетические факторы.

4. Еще один момент существенных различий между теориями личности - отношение к **значению опыта ранних периодов развития человека**. Вопрос заключается в том, приписывает ли теория стратегическое и критическое значение событиям младенчества и детства. Есть теории, усматривающие в событиях самых ранних лет ключ ко взрослому поведению, в то время как другие вполне определенно утверждают, что поведение можно понять и оценить исключительно исходя из событий сегодняшнего дня.

5. С предыдущим вопросом тесно связан вопрос о **непрерывности или прерывности** поведения на различных стадиях развития. Одни теории считают, что поведение, наблюдаемое в данный момент, определенным образом соотносится с опытом, возникающим в более ранний момент развития. Другие полагают, что организм в своем развитии проходит стадии, относительно независимые и отдельные от предшествующих.

6. Различие между теориями личности заключается и в их отношении к **холистическому** принципу. Те, кто занимает холистическую позицию, считают, что поведение может быть понято лишь вместе с важными фрагментами окружения личности. Другие теории принимают положение, согласно которому сама природа науки и исследования требуют анализа и поэтому считают возможным изучать лишь малую «часть» индивида.

Представление о целостности индивида и среды может существовать в двух различных формах. Первая обычно обозначается как «**организмическая позиция**». Главный упор здесь делается на взаимосвязь всего, что совершает индивид, на тот факт, что каждый человеческий акт может быть понят только на фоне других актов. Смысл не только в том, что все поведение человека с необходимостью взаимосвязано и не поддается никаким анализам; здесь также налицо интерес к природным основам поведения. Следовательно, определенное поведение следует рассматривать в свете других поведенческих актов, равно как и в свете сопутствующих физиологических и биологических процессов. Все поведение личности и биологическое функционирование составляет органическое целое и не может быть понято по частям.

Вторая холистическая позиция обычно связана с понятием *поля*. Эта теория соотносится в первую очередь с идеей сложного единства между данным поведенческим актом и средой, в которой он возникает. Попытка понять данную форму поведения безотносительно к «полю», в котором она возникает, оборачивается потерей огромной доли существенных факторов. Хотя поведение частично обусловлено внутренними детерминантами,

существуют силы, действующие на человека извне. Им можно воздать должное лишь при полном рассмотрении значимого окружения индивида. Теоретики, подчеркивающие значение «поля», часто склонны сводить к минимуму значение наследственности и ранних этапов развития. В этом нет логической необходимости, но на практике большинство теоретиков - сторонников идеи среды подчеркивают роль скорее настоящего, чем прошлого, и больше интересуются тем, что находится «вне», а не «внутри» индивида.

7. С проблемой холизма соотносится вопрос об **уникальности или индивидуальности**. Некоторые теории настаивают на том, что каждый индивид и, по сути, каждый акт уникален и неповторим. Подчеркивается, что всегда существуют явные и важные отличия, выделяющие поведение любого конкретного индивида из поведения остальных. В целом приверженец полевой или организмической точки зрения также подчеркивает уникальность. Это естественно: если вы расширяете контекст, который нужно принимать во внимание в связи с каждым поведенческим явлением, оно обретает так много граней, что поневоле будет явно отлично от остальных. Некоторые теоретики принимают факт уникальности каждого индивида, но при этом полагают, что уникальность объясняется различиями в организации одних и тех же основных переменных. В других теориях утверждается, что невозможно даже сравнение на основе общих переменных, так как это искажает уникальность индивидуальности. Теории личности варьируют от тех, в которых уникальность специально не упоминается, до тех, где она становится главным допущением.

8. Некоторые теории личности проявляют главный интерес к механизмам саморегуляции, обуславливающим устойчивое или уравновешенное психическое состояние. В таких теориях в качестве одного из наиболее важных и характерных аспектов человеческого поведения рассматривается действие **гомеостатического механизма**. Этот процесс понимается как автоматическая жизненная тенденция, располагающая индивида к установлению единства, интеграции или психологического равновесия по аналогии с физиологическим механизмом, контролирующим жизненные функции, такие, как температурный контроль, гормональная секреция. Мы обнаружили, что некоторые теоретики личности выстраивают свои представления вокруг идеи *психологической среды* или субъективной системы отношений. Подчеркивается особо, что физическая реальность и происходящие в ней события могут влиять на индивида, только будучи восприняты и прожиты. Таким образом, детерминантой поведения является не объективная реальность, а то, как она воспринимается индивидом и какие смыслы ей придаются. Именно психологическая - не физическая - среда определяет то, как будет реагировать индивид. Существуют противоположные теоретические позиции, полагающие, что стройную теорию поведения нельзя построить на зыбких песках субъективных отчетов или сложных заключений,

необходимых, чтобы извлечь «смыслы» физических явлений. В таких теориях утверждается, что большего прогресса можно достичь тщательным выявлением индивидуальных различий в том, как переживается одно и то же объективное событие, и рассмотрением отношений, включающих внешние и наблюдаемые события.

9. Следующее различие между теоретиками личности относится к тому, считают ли они необходимым вводить представление о **«Я-концепции»**. Для ряда теоретиков наиболее важным для каждого человека является образ самого себя, и процесс самовосприятия часто рассматривается как ключ к пониманию загадок поведения отдельного человека. Есть иные теории, где такое понятие не используется и самовосприятию не придается большого значения.

10. Между теоретиками личности существуют важные различия по тому, насколько явно подчеркивается значение культурных детерминант или **детерминант группового членства**. В некоторых теориях этим факторам отводится ведущая роль в организации поведения и контроле за ним; в других выделяются почти исключительно детерминанты, независимые от общества или культуральных групп, к которым принадлежит индивид. Приверженцы организмического подхода, как правило, принижают роль групповых детерминант, в то время как сторонники идеи поля с большим пониманием относятся к идее социокультурных или групповых детерминант поведения. Крайний пример этой позиции, обычно обозначаемый как культуральный детерминизм, можно найти в работах антропологов и социологов, хотя и психологи-теоретики существенно различаются в отношении к этому вопросу.

11. Следующий пункт разногласий между теориями личности - мера обозначения **нормативных аспектов поведения**. Некоторые теоретики дают обширное описание позитивных или идеальных компонентов личности, тогда как другие ограничиваются объективным или фактическим описанием, без попытки обозначения положительного или отрицательного или даже нормального и аномального. Некоторых теоретиков занимает описание зрелой или идеальной личности, в то время как другие с неохотой относятся к одним формам регуляции как к более высоким, чем другие.

12. Некоторые теории личности возникли на базе изучения **аномального или патологического поведения** и чрезвычайно важны для описания такого поведения. Другие теории и теоретики сосредоточены на проблемах нормального или сверхнормального поведения. Очевидно, теории, вышедшие из психиатрической клиники, консультативных центров или терапевтических учреждений могут больше сказать о девиантном или аномальном поведении, а те, что основаны на изучении детей и студентов, более дескриптивны и репрезентативны для относительно нормального уровня личности.

Наш перечень параметров, по которым можно сравнивать теории личности, завершен, но мы надеемся, что читатель не выбросит теперь его из головы. **Что касается того, что читатель должен удержать из уже сказанного, то пусть это будет просто впечатление о том, что теории личности представляют собой попытки сформулировать или представить важные аспекты человеческого поведения и что о плодотворности этих попыток можно судить по тому, эффективны ли они были (и насколько) как стимулы, побуждающие к исследованию.**